

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ VIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ IX В.

(Ответ рецензенту)

В XXIII томе «Византийского временника» (стр. 232—248) опубликована рецензия А. П. Каждана на мою книгу «Очерки истории византийского общества и культуры VIII—первой половины IX в.». (М.—Л. 1961, 481 стр.).

В своей чрезвычайно обстоятельной (почти постраничной) рецензии А. П. Каждан дал детальный разбор моей книги, в особенности ее трех первых разделов. Вопросы, затронутые рецензией, нередко представляют интерес, далеко выходящий за рамки данной книги. Наряду с отдельными справедливо отмеченными недочетами книги, явившимися главным образом результатом недосмотра при издательской подготовке (опечатками, описками и т. п.), в рецензии содержится множество замечаний, которые при тщательной и углубленной проверке оказались в своем подавляющем большинстве необоснованными. Так как рецензенту свойствен часто категорический, безапелляционный тон, его спорные и неверные высказывания могут неправильно ориентировать читателей в вопросах, и без того достаточно сложных¹. Кроме того, вряд ли найдется много читателей, у которых хватит времени и терпения провести кропотливую работу по проверке массы мелких замечаний и поправок, которыми изобилует рецензия. Мне представляется поэтому необходимым рассмотреть их на страницах «Византийского временника».

Необходимо, однако, отметить, что рецензия требует ответа еще и потому, что изложение содержания книги создает совершенно неверное представление о задачах и характере «Очерков». Не упоминается в рецензии и об истории создания «Очерков» (а между тем о ней сказано во вводной главе), хотя несколько необычная судьба книги, казалось бы, того требовала². Рецензент, по сути дела, в этом вопросе дезориентирует читателей.

Как это указано во вводной главе («Очерки», стр. 17), исследование было закончено автором в 1951 г., т. е. за десять лет до того, как увидело свет. Именно за эти десять лет некоторые из его глав были опубликованы в виде отдельных статей, а отнюдь не до завершения книги, как это неточно указано в рецензии (стр. 232). В течение этого времени автор «Очерков» был занят выполнением других плановых заданий. Накануне выхода книги в свет, в процессе подготовки к печати, автор, лишенный возможности увеличить заранее установленный объем книги, мог внести лишь очень немногие изменения и дополнения в первоначальный текст книги за счет снятия отдельных глав или их частей³.

Автор постарался использовать при подготовке книги к печати важнейшие из достигнутых отечественной и зарубежной науки. Однако эти возможности были, разумеется, при этих условиях очень ограничены. Отсюда явствует, что претензия, предъявленная рецензентом к автору, что он не учел или не разобрал достаточно подробно отдельные работы последних лет, в том числе даже такие, которые появились или были получены в Ленинграде во время нахождения книги в производстве или даже после ее выхода в свет, представляются, надо полагать, несправедливыми. Требовать при таких условиях полноты разбора новейшей литературы по всем разделам значит тре-

¹ Некоторые из таких суждений проникли уже и в научно-популярную литературу. См., например, «Хрестоматия по истории средних веков», т. I. М., 1961, стр. 371 (ср. ниже, стр. 264).

² Это тем более удивительно, что А. П. Каждану, работающему в той же системе, что и автор книги, и являвшемуся к тому же внутренним рецензентом книги до сдачи ее в Издательство АН СССР, вся история создания книги была отлично известна.

³ В числе снятых разделов были: глава об Иоанне Дамаскине, полемические и историографические части глав о павликианском и иконоборческом движении, о Лъве Математике и др. Сам рецензент не мог не обратить внимания на досадное исключение таких частей (ср. стр. 244, прим. 81).

бовать невозможного⁴. Невнимание рецензента к истории создания книги сказалось особенно ярко в том, что он написал на стр. 244. А. П. Каждан говорит: «Я начну с частного замечания. На стр. 185 Липшиц пишет: «Никифор в своем Большом Апологетике дает чрезвычайно яркую характеристику социального состава иконоборческой партии, на которую ранее не было обращено внимания»; к сожалению, это неверно: в 1958 г. П. Александер в специальной главе «Социальный состав иконоборческой партии» дал английский перевод и подробный комментарий соответствующего места». Рецензент не счел при этом необходимым упомянуть, что на соответствующий текст Никифора автор «Очерков» обратил внимание дважды — в 1950 и 1952 гг., т. е. за много лет до выхода книги П. Александера⁵. Не могу не сказать, что П. Александер, в отличие от А. П. Каждана, отметил в своей библиографии мою статью 1950 г.⁶

Еще большие возражения вызывает общая характеристика книги, которую дает А. П. Каждан. Сравнительно узкие хронологические рамки (VIII — первая половина IX в.), ярко выраженный «очерковый» характер (особенно отчетливо проявившийся во второй половине книги в исследовательских этюдах об отдельных деятелях культуры)⁷ и самое время завершения книги (1950—1951 гг.), задолго до начала среди советских историков дискуссии о периодизации византийского феодализма, о характере феодальной собственности, централизованной ренте и т. п., казалось, должны были бы ясно ориентировать рецензента в задачах книги. «Очерки» отнюдь не ставили своей задачей (и притом главной) обоснование той или иной концепции возникновения и развития византийского феодализма. Подобная задача не могла бы не отразиться на всей структуре книги. Автор, естественно, высказал свои взгляды на эти важнейшие вопросы, разрабатывающиеся в настоящее время в советской историографии, но лишь в тезисной форме, в кратких вставках в старый текст книги, чтобы отметить главные пункты своего несогласия с распространенной точкой зрения, адептом которой является рецензент.

Неправильно понятые рецензентом задачи книги привели его к ошибочному заключению о якобы имеющемся несоответствии между тем периодом времени, который рассматривается в книге, и тем, которого требовала бы моя концепция (V—IX вв.), о необходимости рассмотрения в данной книге проблем происхождения феодального строя, происхождения стратиготских участков, обоснования периодизации и даты начала второго периода и т. п. (ср. стр. 233, прим. 8; стр. 238 сл.; стр. 243). Все эти вопросы далеко выходят за хронологические рамки «Очерков», охватывающие всего 150 лет. На базе «Очерков» спорить на эти темы мне представляется нецелесообразным. Они слишком сложны, чтобы быть рассмотренными с надлежащей полнотой и в этой статье. Я рассматриваю к ним вернуться в дальнейшем в специальных статьях.

В предварительном порядке могу лишь отметить следующее.

1. Даже из того, что сказано в «Очерках», видно, что я вовсе не свожу все к результату внешних процессов и одной только славянской колонизации, как это утвер-

⁴ А. П. Каждан хотя и положительно отзывается о приложенной к книге библиографии (стр. 233), однако в ходе изложения неоднократно упоминает о таких работах, как, например, труды Н. Кондова, Х. Г. Бекка, Р. М. Бартияна, И. С. Дуйчева и др. Следует сказать, что даже книга А. П. Каждана («Деревня и город в Византии». М., 1960) смогла быть использована в момент редактирования книги в издательстве. Что касается книги Р. М. Бартияна («Источники для изучения истории павликианского движения»). Ереван, 1961), то она мне, как ее редактору, была, конечно, известна до выхода в свет, но я не считала возможным использовать ее до опубликования. К сожалению, из-за позднего получения в Ленинграде не было возможности рассмотреть и ряд вопросов, освещенных по-новому Х. Г. Бекком (H. G. B e c k. Kirche und theologische Literatur. München, 1959), в частности проверить обоснованность новой датировки жизни Никифора, Андрея Критского, изложения Иоанна Грамматика (ср. рецензию, стр. 246, прим. 97). О статьях И. С. Дуйчева и Н. Кондова см. ниже, стр. 251—252.

⁵ Е. Э. Л и п ш и ц. Никифор и его исторический труд. ВВ, III, 1950, стр. 104; ср. «Очерки», стр. 295; Е. Э. Л и п ш и ц. Павликианское движение в Византии. ВВ, V, 1952, стр. 70—71; ср. «Очерки», стр. 185.

⁶ Р. I. A l e x a n d e r. The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Oxford, 1958, p. 240—241, 276.

⁷ Книга была задумана и запланирована как исследование по истории культуры иконоборческого периода, что не могло не наложить на нее отпечатка даже в ее окончательном виде, когда вводные главы, посвященные социально-экономической истории, выросли до размеров половины книги. Строго исследовательский характер книги определил собой ее известную неравномерность. В книге отдельные главы посвящены только тем деятелям культуры, которые явились предметом специальных исследований автора «Очерков». Даже о таких крупных деятелях и писателях, как Феофан, Феодор Студит, Иоанн Дамаскин, говорится лишь в ходе изложения в других главах. Книга не случайно названа «Очерками».

ждает А. П. Каждан (стр. 234 и 235). Так, в «Очерках» (стр. 23) говорится отнюдь не только о славянских общинах: «Наличие к V—VI вв. широкой прослойки свободных крестьянских общин подтверждается всей совокупностью наличных источников, и в первую очередь законодательными памятниками» [в примечании цитируются слова М. В. Левченко, который отмечает, что «свободные варварские и туземные поселения являлись одним из главных источников пополнения восточно-римской армии» (М. В. Л е в ч е н к о. Материалы. . ., ВС, стр. 37), а также перечислены ссылки на свидетельства законодательных памятников о местных общинах в горных провинциях Малой Азии]. Аналогичным образом поставлен вопрос и в другом месте «Очерков» (стр. 49 сл.). Вместе с тем я считаю славянскую колонизацию важнейшим источником распространения общины. Именно поэтому подробное рассмотрение этнических перемены, славянских вторжений и взаимоотношений славян с империей и предпослано изучению общественных отношений и культуры в непосредственно интересующий меня в «Очерках» период.

2. По моему мнению, институты экскуссии, пронии, феодальный строй и классы византийского общества находились в постоянном и противоречивом развитии как на протяжении всей истории Византии, так и в пределах каждого периода (ср., например, «Очерки», стр. 241 сл.). Поэтому доводы, приводимые рецензентом (стр. 240), что экскуссия и прония в изучаемое мною время еще очень далеки от развитых феодальных институтов XI и позднейших веков, или что в VIII в. не могло быть периодических переделов земли, потому что их не было в X в. (стр. 237), или что морта в Земледельческом законе VIII в. не являлась «специфической рентой в пользу духовного собственника, как полагал Васильевский; ближайший по времени к Закону документ, упоминающий морту, — грамота 1008 г., где получателями мортвы выступают светские и отнюдь не очень богатые собственники» (стр. 238), — неубедительны⁸. Они, по сути дела, основаны на неприемлемом для нас утверждении о неизменности общественных институтов Византии на протяжении нескольких столетий.

Само собой разумеется, что на начальных стадиях развития феодального общества мы не можем наблюдать все его черты, в том числе и институты пронии и экскуссии, во вполне сложившейся форме, аналогичной той, какую они приняли в XI в. и позднее. Прослеживание же их зарождения и начальных стадий является важной задачей. Факт экскуссии при Юстиниане II, и притом характеризуемый как «яркий», установлен не только мною, но и Г. А. Острогорским (о чем не упоминает А. П. Каждан). Г. А. Острогорский относит время складывания византийского феодализма лишь к XI в., но связывает его начало с укреплением фемной знати в VIII в.⁹ Генетическая связь экскуссии и солемний с позднейшими формами византийской экскуссии-иммунитета и пронией кажется мне несомненной. То же относится и к формированию классов византийского общества (стр. 243), которое, вероятно, нет оснований считать законченным в первый период. Надо думать, что в Византии все эти процессы затянулись на очень долгий срок.

Обращаюсь к рассмотрению частных замечаний рецензента.

На стр. 234—235 А. П. Каждан пишет: «На стр. 28 и сл. Липниц, ссылаясь, в частности, на П. Хараниса и Д. Моравчика, датирует Монемавсийскую хронику „не позже конца IX — начала X столетия“, — в действительности же эта хроника датируется концом X—XI в. (она не могла быть написана до правления Никифора Фоки)». Прежде чем перейти к существу дела, не могу не отметить, что рецензент не заметил, что ссылка на П. Хараниса и Д. Моравчика отнесена в книге к предшествующей фразе, а вовсе не к той, где рассматривается вопрос о датировке. Работы обоих исследователей названы в числе других в общей библиографической справке, касающейся хроники, а отнюдь не датировки. П. Харанис и Д. Моравчик действительно придерживаются того мнения, что хроника была составлена во времена Никифора Фоки или немного позже. Однако вопрос этот является отнюдь не столь бесспорным, как это кажется рецензенту. П. Харанис в своих ценных исследованиях (показавших с убедительностью достоверность известий хроники) по вопросу о датировке этого сложного источника формулирует свою мысль в гораздо более осторожной форме, чем это делает А. П. Каждан¹⁰. Доводом в пользу второй половины X в. является, по мнению П. Хараниса, наблюдение, сделанное Кугеасом в Иви́рском списке хроники: там о Никифоре I говорится, как о «Никифоре старшем, который имел сына Ставракия». Именно в этом обстоятельстве П. Харанис видит основание для отнесения хроники ко времени царствования Никифора Фоки или немного позже. При всей важности этого наблюдения его нельзя считать достаточно твердым основанием для новой датировки хроники. Иви́рский список XVI в. отстоит от предполагаемого времени возникновения хроники на шесть столетий. У нас нет никаких данных для суждения о том, не явились ли эти поясни-

⁸ Ср. также ниже, стр. 255.

⁹ Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. ВВ, XIII, 1958, стр. 62—63, Ср. i d e m. La commune rurale byzantine. Вуз., 32, 1962, p. 153, 158. Генетическую связь солемний с позднейшей пронией признает и сам А. П. Каждан (стр. 240).

¹⁰ См. P. C h a r a n i s. The Chronicle of Monemvasia. DOP, V, 1950, p. 156.

тельные слова глоссой копииста. С другой стороны, все прочие перечисленные П. Харанисом основания для датировки (впервые встречающееся у Константина Порфирородного упоминание цыган, данные о Демене и деменитах — IX—X вв., параллельные тексты схолии Арефы 932 г. и, наконец, Анонима IX в., составленного, вероятно, в своем окончательном виде после 864 г.) говорят в пользу конца IX—первой половины X в. Руководствуясь этими соображениями, я сочла более надежной датировку хроники концом IX — первой половиной X в.¹¹

А. П. Каждан делает некоторые замечания насчет славянских вторжений. Так, на стр. 234, прим. 11, он отмечает разницей в терминологии названий славянских племен: «Липшиц называет их то велегезитами (стр. 30), то вельзитами (стр. 43, прим. 81)». Однако такой же разницей в терминологии мы имеем и в цитированных мной источниках: в Деяниях Димитрия говорится о велегезитах (των βελεγεζιτων: PG, t. 116, col. 1325), у Феофана — о Вельзитии (της Βελζιτίας; Theoph., Chron., p. 473. 33).

А. П. Каждан ошибочным образом относит на стр. 234, прим. 10, слова В. Велкова к разобраным мной в тексте находкам в поселениях VI в. (Садовицы, Исперихово). А. П. Каждан пишет: «Надо, однако, отметить, что, по мнению В. Велкова („Градът в Тракия и Дакия през късната античност“. София, 1959, стр. 140), в этих городищах и селищах были найдены „античные земледельческие орудия“» (курсив А. Каждана. — *Е. Л.*). В действительности цитированные слова В. Велкова относятся не к этим датированым VI веком городищам, а к перечисленным в предшествующем абзаце недатированным находкам¹².

На стр. 235 А. П. Каждан справедливо указывает на желательность использования в главе о славянских вторжениях работы И. Дуйчева, к сожалению, оказавшейся в моем распоряжении только в момент правки корректуры книги. Однако А. П. Каждан удивительно неточно толкует и неполно излагает соответствующее место статьи И. С. Дуйчева. Он пишет: «Например, Липшиц подробно говорит о подчинении славян Византии и об их восстаниях против византийской власти, однако она не ставит вопроса о существовании самостоятельных (курсив А. Каждана. — *Е. Л.*) славянских княжеств на территории империи. Думається, прав И. Дуйчев, когда он пишет о возникновении „подлинных славянских княжеств“ в разных частях Византии» (при этом А. П. Каждан ссылается на кн.: I. Dujčev. Les slaves et Byzance. «Études historiques», I. Sofia, 1960, p. 34). И. С. Дуйчев действительно пишет, что «в некоторых районах империи, как следствие численности и однородности славянского населения, появились подлинные славянские княжества». Однако он указывает, что эти княжества «под властью их князей, как правителей, признанных Константинополем, продолжали длительное время существовать как образования *полунезависимых* племен в лоне империи» (formations des tribus semi-indépendantes au sein de l'empire) (курсив мой. — *Е. Л.*). Неужели А. П. Каждан считает, что полунезависимость равнозначна самостоятельности?

А. П. Каждан, требуя от меня постановки вопроса о существовании самостоятельных славянских княжеств, по существу идет намного дальше И. С. Дуйчева, который гораздо осторожнее и, на мой взгляд, правильное оценивает положение¹³.

Неполнота изложения рассматриваемого места работы И. С. Дуйчева сказалась и в том, что А. П. Каждан не упомянул, что, по мнению И. С. Дуйчева, это внедрение славян в империю протекало уже в первой половине VI в. (ремя путями — привлечением на службу империи отдельных славян, принятием некоторых групп славян-федератов, а также путем колоната). Именно как следствие всех этих процессов И. С. Дуйчев и рассматривает создание тех славянских княжеств, о которых говорит А. П. Каждан. Для спора же с автором «Очерков», которым в данном месте рецензии занят А. П. Каждан, это было бы как раз очень важно, так как говорит в пользу взглядов автора «Очерков»¹⁴.

¹¹ И П. Лемерль в своей новой работе о Монеувасийской хронике пришел к заключению, что вставка «старший» является позднейшей глоссой; он считает, что хроника была составлена до царствования Никифора Фоки (P. Lemerle. La chronique improprement dite de Monemvasie: le contexte historique et légendaire. REB, XXI, 1963, p. 139).

¹² На стр. 235 (прим. 14) неверно истолкован смысл фразы («Очерки», стр. 29) о публикации И. Вернера. Речь идет, конечно, не о находках славянских поселений, как это мне приписал А. П. Каждан, а о вещественных находках, являющихся очень важным (редким) археологическим доказательством пребывания (поселений) славян в Северной Греции.

¹³ Ср., например, А. А. Васильев. Славяне в Греции. ВВ, V, 1908, стр. 426.

¹⁴ Обращает на себя внимание нелогичность и противоречивость замечания А. П. Каждана (стр. 235, прим. 17). Он оспаривает убедительность приведенной у меня в доказательство поселения славян в первой половине VI в. ссылки на Прокопия (Procopii De bello Goth., I, 27. 2), «потому что Прокопий в этом месте говорит о гуннах.

Рецензент, полемизируя с автором по поводу статьи В. К. Тыпковой-Займовой, старается преуменьшить убедительность высказанных ею мыслей о появлении поселений славян на территории империи в первой половине VI в.¹⁵ Он характеризует содержание статьи В. Тыпковой-Займовой, как использованной якобы только «Лимошарь» Мосха, и обращает внимание на то, что у Мосха речь идет не о славянах, а о «варварах». В действительности же статья и выводы основаны на анализе ряда источников (Прокония, Комита Марцеллина, Малала, Феофана) и литературы. Именно этот анализ и дал автору статьи основания интерпретировать по-своему «Лимошарь» и раскрыть значение термина «варвары» по-новому: «Едва ли можно сомневаться в том, что речь идет о славянах, хотя, разумеется, нельзя отрицать, что среди них могли быть и другие варвары, например протоболгары, так как в те годы они обыкновенно совершали свои нашествия одновременно» (В. Тыпкова-Займова. Нападения. . . , стр. 6). Соображение В. К. Тыпковой-Займовой, что именно обычный характер мелких славянских нападений еще ранее середины VI в. указывает на близость поселений славян, А. П. Каждан не считает убедительным (стр. 235, прим. 17). Следует сказать, что в своей новой работе В. Тыпкова-Займова привела много новых подтверждений своей точки зрения: «По всяка вероятность славяни са идвали в земите на полуострова още през V в., а може би и порано, как то сочат редица местни имена от славянски произход, засвидетелствувани вече през средата на VI в. у Прокопий». По ее мнению, «массовите нахлувания на славяни започват безспорно в началото на VI в.». Автор этой статьи опирается в своих выводах не только на старые исследования Л. Нидерле и М. Дринова, но и на новые, в особенности на работу В. Георгиева о топонимике Балканского полуострова (В. Георгиев. Най-старите славянски имена на Балканския полуостров и тяхното значение за нашия език и нашата история. «Бълг. ез.», год. VIII, 1958, кн. 8, стр. 321 сл.)¹⁶. Эти новые данные, конечно, могут значительно восполнить те, которые приведены в моей книге, и подкрепить новыми аргументами высказанный мною взгляд, что начало славянской колонизации протекало по крайней мере на столетие раньше VII в. (о том, что дата начала второго периода не должна обязательно совпадать с началом славянской колонизации, см. выше, стр. 249).

Рассматривая главу об аграрных отношениях, А. П. Каждан уделяет внимание Земледельческому закону¹⁷.

Рецензент особо останавливается на рассмотрении вопроса о сельскохозяйственной технике. По мнению А. П. Каждана, опирающегося на статью Н. К. Кондова, не использованную мною из-за ее позднего появления, «действительно, те факты, которые приводит Лишиц, говорят лишь о применении огня в мелиоративных целях, при расчистке леса, а не при обработке почвы для ее кратковременного использования (как при лядной системе)» (рецензия, стр. 236).

При решении этих вопросов А. П. Каждан не принял во внимание следующее: 1. В Земледельческом законе нет ни одной статьи, в которой были бы налицо все элементы лядной или какой-либо иной системы хозяйства. 2. Возможность гипотезы о лядной системе создается совокупностью статей Земледельческого закона, характеризующих а) обстановку, в которой только и возможна подобная система хозяйства, и б) от-

склавиных и антах, живущих по другую сторону Истра (οἱ ὑπὲρ ποταμὸν Ἰστρου), недалеко от его берега. . . Зато Лишиц не привлекает достоверного известия Прокопия (De bello Goth., III, 14. 32) о поселении антов около 540—544 гг. в задунайской крепости Туррис в качестве федератов империи (см. I. D u j e v. Op. cit., p. 33). Нетрудно, однако, убедиться, что, говоря об этой крепости, Прокопий употребляет то же выражение, что в первом случае (ὑπὲρ ποταμὸν Ἰστρου).

¹⁵ В. Тыпкова-Займова. Нападения «варваров» на окрестности Солуни. ВВ, XVI, 1959, стр. 7.

¹⁶ В. Тыпкова-Займова. По някои въпроси за етническите промени на Балканите през VI—VII в. «Известия на Института за история БАН», XII, 1963, стр. 76 сл., 81 сл. и русский пер., стр. 97—98.

¹⁷ Непонятно, почему, говоря о новой датировке Земледельческого закона, он ссылается на мою статью 1945 г. (рецензия, стр. 236, прим. 21), но не упоминает о том, что мотивировка пересмотра даты Земледельческого закона дана в «Очерках» (стр. 249 сл.). А. П. Каждан считает, что последовательное принятие вывода о том, что закон отражает обычаи и порядки, отнюдь не совпадающие со временем его официального признания, «ставит автора . . . в затруднительное положение: действительно, если Земледельческий закон возник в начале VIII в., а отраженные в нем общественные порядки сложились еще ранее (курсив А. Каждана. — Е. Л.), то, строго говоря, его свидетельства ведут нас прежде всего все в тот же век больших общественных сдвигов — в VII век». Не могу не спросить рецензента, почему не в VI или V в.? У нас нет никаких источников для суждения по этому вопросу. Обычаи и порядки, отразившиеся в Законе, могли складываться в «варварской» среде и раньше VII в.

дельные моменты, свойственные этой системе производственных процессов. 3. Применение лядной системы хозяйства возможно лишь при наличии запущенных или новых необработанных земель в диких, лесистых, малонаселенных районах — именно такие природные условия рисует совокупность статей Земледельческого закона. На это было обращено внимание в моей статье и вновь (в более краткой форме) в «Очерках»¹⁸. 4. Этапы производственного процесса, указывающие на возможность применения лядной системы, наиболее отчетливо видны в статье 56, разобранной мною в связи с ее славянскими переводами. Поскольку в этой статье говорится о разведении огня в своем лесу или поле (ἐν ὄλῃ ἰδίᾳ ἢ ἐν ἀγρῷ), совершенно ясно, что речь идет здесь не о выжигании стерни в мелиоративных целях, а о расчистке лядины, леса, выжигаемого под пашню. Но, разумеется, и эта статья, взятая в отдельности, не рисует всей картины полностью. А. П. Каждан же ограничился по поводу этой статьи совершенно непонятно на чем основанным утверждением, что «ст. 56 говорит о разведении огня в лесу или в поле (отмечу попутно, что рецензент произвольно опустил важное для истолкования статьи слово «своем»). — Е. Л.), что опять-таки не связано ни с лядной системой, ни даже с расчисткой леса» (рецензия, стр. 237, прим. 25). Что касается статьи 57, на которую указал рецензент, то она была бы важным доказательством в пользу лядной системы, если бы в ней не говорилось о выжигании чужого (ἀλλότριον) леса и вырубке чужих (ἀλλότρια) деревьев. К тому же лучшие рукописи Земледельческого закона дают здесь чтение ὄρος, т. е. холм или граница, а не ὄλη — чаща леса¹⁹. На стр. 237 А. П. Каждан пишет: «Более существенное значение для решения вопроса о лядной системе имела бы ст. 12, где предполагается (хотя и осуждается) такая обработка земли, когда крестьянин, не вспахав поле, разбрасывает по нему семена. Липшиц не обратила внимания на эту статью, а она, может быть, станет понятной при допущении каких-то элементов подсечно-огневой системы полеводства». Между тем в моей работе «Византийское крестьянство» статья 12 не только упомянута, но и специально разобрана мною вслед за П. В. Безобразовым²⁰.

Вопрос о том, использовался ли огонь на землях только в мелиоративных целях, как утверждает А. П. Каждан, ссылаясь на статью Н. К. Кондова, принадлежит к числу тех, которые уже давно вызывают споры в византиноведении. Из-за состояния наших источников он, разумеется, не может быть решен с полной убедительностью. Однако думается, что Закон содержит много косвенных данных, которые в своей совокупности представляют серьезные основания в пользу признания существования лядной системы наряду с другими системами хозяйства. После работы Г. Цанковой-Петковой этот взгляд получил новое подтверждение. Г. Цанкова-Петкова подробно разобрала аргументацию Н. К. Кондова и А. П. Каждана, а также и мою, и пришла к заключению, что собранный ею материал подтверждает предположение о существовании подсечно-огневой системы хозяйства у балканских славян²¹.

Рецензент неоднократно упрекает автора в чрезмерной осторожности при решении вопросов об объеме крестьянских прав собственности по данным Земледельческого закона, о периодических переделах земли в VIII в. и т. п. (стр. 237). Полагаю, что, если источники не дают достаточно материала для твердого решения этих спорных вопросов, категоричность тона здесь неуместна (ср. также сказанное мной выше, стр. 250).

Касаюсь общей оценки Земледельческого закона, А. П. Каждан высказывает сомнение в правильности оценки стиля Земледельческого закона как «официального и повелительного» и ссылается при этом на сходство Закона с Салической правдой и на наличие в Законе типичных для памятников обычного права повторений и противоречий (стр. 236, прим. 20). В том, что Земледельческий закон является в своей основе памятником обычного права, нет никаких оснований сомневаться. Здесь у меня нет никаких расхождений с рецензентом (ср. «Очерки», стр. 54). В отношении же повелительного официального стиля изложения Земледельческий закон едва ли чем-либо отличается от таких памятников несомненно официального происхождения, как Эк-

¹⁸ Из перечисленных у меня в примечании статей («Очерки», стр. 57, прим. 19) все характеризует эту картину: ст. 20 (вырубка и возделывание чужого леса); ст. 23 (волки); ст. 39 (чаща леса); ст. 40 (рубка деревьев); ст. 43 (волки, нападающие на скот); ст. 56 (разведение огня в своем лесу); ст. 12 [ошибочно напечатано 72 (поверхностная обработка поля)]. На стр. 60 у меня приведены статьи, свидетельствующие о частом применении огня (ст. 58, 64, 65). Подробный разбор соответствующих текстов Закона дан мной в статье «Византийское крестьянство и славянская колонизация», к которой я и отсылаю читателя (см. «Очерки», стр. 57, прим. 19).

¹⁹ W. Ashburner. The Farmer's Law. JHS, XXX, 1910, p. 105.

²⁰ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, 1945, стр. 112; ср. также выше, прим. 18.

²¹ Г. Цанкова-Петкова. Към въпроса за селскостопанската техника в средновековна България и в някои съседни балкански области. «Известия на Института за история БАН», XII, 1963, стр. 131, со ссылкой на мою статью и «Очерки», стр. 59 сл.

лога, Прохирон; поэтому сомнение А. П. Каждава в данном случае мне представляется неосновательным.

На стр. 238 А. П. Каждан переходит к рассмотрению круга вопросов, связанных с крупной земельной собственностью. При этом он указывает, что, как ему кажется, масштабы крупной собственности VIII—IX вв. несколько преувеличены автором «Очерков». Неполнота имеющихся в нашем распоряжении источников, разумеется, не дает возможности выяснить вопрос с полной достоверностью. Однако я полагаю бы, что если рецензент упоминает только о нескольких из упомянутых и рассмотренных в соответствующей главе фактах, ему следовало бы сказать, что там имеется немало других [как, например, данные о богатейших владениях Студийского монастыря («Очерки», стр. 84 сл.), об императорском землевладении (стр. 76 сл.), о светском землевладении Данилиды, Тарасия, Никифора, Платона, судовладельцев-навклеров и т. д. (стр. 77 сл., 80)]²². Иначе у читателя создается ложное впечатление, что фактами, взятыми рецензентом под сомнение, дело исчерпывается.

А. П. Каждан высказывает предположение (стр. 238), что вопрос о том, сколько значительным было сокращение крупной земельной собственности по сравнению с предшествующим периодом, в книге не рассмотрен, по-видимому, потому, что «это вытекает из общей концепции Липшиц, рассматривающей... весь период от конца V до середины IX в. как нечто единое» (ср. также стр. 240). Думается, что подобное объяснение, предложенное рецензентом, является в корне неверным уже по тем соображениям, что даже если рассматривать «весь период как нечто единое», это отнюдь не предполагает, что общественные отношения в пределах этого четырехсотлетнего периода оставались неизменными. Рецензент мог бы легко убедиться в том, что в моей позднейшей работе (опубликованной еще до выхода книги в свет и, следовательно, до рецензии А. П. Каждава), в которой я отнюдь не отступаю от своей концепции, я писала: «В результате войн на восточных границах и отторжения ряда территорий Халифатом, а также в силу аварских и славянских вторжений на Балканах крупному землевладению был нанесен в VI—VIII веках сильный ущерб. Заметный ущерб нанесли ему и конфискации Юстинианом имений сенаторов, участвовавших в восстании Ника. В целом во второй период истории Византии значение частного крупного землевладения уменьшилось за счет расширения государственных и императорских земельных фондов, а также за счет свободных крестьянских общин»²³. Объяснение того, почему в книге не поставлен интересующий А. П. Каждава вопрос, сколько значительно было это сокращение и как обстояло дело более точно, рецензент мог бы найти на стр. 17 «Очерков»²⁴. Невозможность решить этот вопрос определяется состоянием источников. Сходный упрек сквозит и в словах рецензента на стр. 235. Но разве можно сомневаться, что такие твердо установленные факты, как военные события VII в. — потеря Сирии, Египта, славянские вторжения, — явились глубокими потрясениями для империи?²⁵ Можно ли в угоду концепции пренебрегать фактами?

В этой связи А. П. Каждан обращается к рассмотрению данных о морте Земледельческого закона (ст. 9—10). Выше (стр. 250) уже рассматривалось одно из возражений

²² В этой связи А. П. Каждан выражает сожаление, что автор книги на стр. 105 (в следующей главе, при повторном упоминании данных о крупном землевладении. — *Е. Л.*) не дает ссылок на источники, не упоминает, откуда почерпнуты цифры, дающие основание говорить о «тысячах зависимого люда». Полагаю, что на интересующий рецензента вопрос он мог бы получить исчерпывающий ответ в главе, специально трагующей о крупном и среднем землевладении, где в примечаниях даны все ссылки. В частности, указанный в сноске («Очерки», стр. 77, прим. 68) текст Продолжателя Феофана (р. 226 сл. и 317 сл.) сообщает о Данилиде: «так как у нее было несметное количество зависимых людей, буквально — рабов, после ее смерти по приказанию императора три тысячи из них получили свободу и образовали колонию, посланную в фему Лангобардию» (ἐπεὶ δὲ τὰ οἰκετικὰ ταύτης ἀνδράποδα εἰς πλῆθος ἀπειρον ἦν, κλεῖσται βασιλικῆ ἐκ τούτων ὡσπερ εἰς ἀποικίαν ἐπ' ελευθερίᾳ ἐστάλησεν εἰς τὸ θέμα Λατοβαρδίας τρισχίλια σώματα) (*Theorh. Cont.*, p. 321).

²³ *Е. Э. Липшиц. Город и деревня в Византии в VI—первой половине IX в. Actes du XIIe Congrès International d'études byzantines (Ochride, 10—16 Septembre 1961), t. I. Beograd, 1963, p. 18—19.*

²⁴ «Наличные материалы не дают возможности судить ни о степени распространения крупного землевладения в отдельных районах империи, ни о его организации и хозяйстве» («Очерки», стр. 17).

²⁵ Ссылка А. П. Каждава на статью П. Лемерля (стр. 238, прим. 34) неточна (ср. *P. Lemerle. Esquisse... «Rev. hist.»*, t. 219, 1958, p. 62). Непонятно также, почему А. П. Каждан называет П. Лемерля «антиэволюционистом». П. Лемерль не признает революционного кризиса VII в., но не отрицает эволюции (см., например, *P. Lemerle. Les répercussions de la crise de l'empire d'Orient au VIIe siècle sur les pays d'Occident. Spoleto, 1958, p. 731 (Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo); P. Lemerle. Esquisse... «Rev. hist.»*, t. 220, 1958, p. 92).

А. П. Каждана против предположения В. Г. Васильевского и моего, что морта могла уплачиваться духовному собственнику, на что указывает сакральный характер наказания. Однако А. П. Каждан не ограничился одним возражением. Он пишет (стр. 238): «... ничего не доказывает и сакральный характер наказания (стр. 72) — формулировка этого сакрального наказания носит неканонический характер (прим. 36: Н. F. Schmid. Byzantinisches Zehntwesen, S. 59) и, следовательно, не должна непременно относиться к сфере церковно-монастырской собственности».

Приведенный А. П. Кажданом довод со ссылкой на Г. Шмида, как будет показано ниже, отнюдь не дает оснований для такого заключения. Г. Шмид, приводя высказывания В. Г. Васильевского и других присоединившихся к последнему исследователей (Цахариз, Малафосса, Эшбернера), приходит к следующему выводу: «Очевидно, постановление о десятине, включающее духовную санкцию, имело в виду служить охраной исков церковных землевладений (dem Schutze der Belangen der kirchlichen Grundherrschaften), и мы поэтому должны искать автора Земледельческого закона в ряду епископов, настоятелей монастырей или их советников по юридическим вопросам»²⁶. Из приведенной цитаты видно, что Шмид не только не сомневается в правильности взгляда В. Г. Васильевского, но что он идет в своих выводах еще дальше, так как видит в этой статье доказательство церковно-монастырского происхождения всего Закона. В следующей фразе Шмид возражает против высказанной В. Эшбернером гипотезы²⁷, что в статье Земледельческого закона, может быть, отразилось законодательное постановление церковного собора. Шмид указывает, что «против этого говорит ее неканоническая форма: собор или синод угрожал бы неисправному неплательщику десятины наказанием, предусмотренным каноническим правом, как, например, отлучением или анафемой».

Нетрудно видеть, что вырванные А. П. Кажданом из контекста слова «неканоническая форма» отнюдь не могут служить доводом против предположения о том, что в статье идет речь о церковном землевладении, т. е. о том, что нас в данном случае именно интересует. Если источником статьи и не было постановление церковного собора, ее связь с монастырским или церковным землевладением, по мнению Г. Шмида, несомненна. Ссылка на Г. Шмида в той форме, в какой она сделана рецензентом, может лишь ввести в заблуждение читателей в отношении взглядов этого автора на существо интересующего нас вопроса.

На той же странице А. П. Каждан вновь поднимает вопрос об истолковании данных жития Филарета Милостивого. Он утверждает, что житие отнюдь не является бесспорным свидетельством в пользу существования крупной собственности в VIII в. («Очерки», стр. 77 и сл.): «К сожалению, Липшиц не упоминает о возражениях, которые были выдвинуты Г. А. Острогорским (прим. 37: рецензия на книгу Руйар. — G. Ostrogorsky. BZ, 47, 1954, p. 422) и другими исследователями против принятого ею толкования этого жития: напомним, что отец Филарета был крестьянином, а все владения Филарета помещались на территории одной деревни, где, кроме него, было много крестьян и „династов“» (курсив А. Каждана. — Е. Л.).

Нужно сказать прежде всего, что в источнике нет указания, что все владения Филарета помещались на территории «одной» деревни. Нет там и указания на то, что в этой деревне, «кроме него, было много крестьян и „династов“»²⁸. Там говорится лишь, что «все его проастии были захвачены соседними династиями и крестьянами» (τὰ προάστια αὐτοῦ πάντα ἀρπαγῆται ὑπὸ τῶν γειτονεύοντων δυναστῶν καὶ γεωργῶν. — Вуз., 9, 1, 1934, p. 116—117). Следовательно, то, что все имения и проастии Филарета были в пределах одной деревни, является предположением А. П. Каждана. Этому предположению, однако, противоречат масштабы владений Филарета. Какой же должна быть деревня, если в ней находилось 48 проастиев Филарета с общирными землями (προάστια δὲ πολλῆς γῆς πεπληρωμένα), не говоря уже о владениях соседних династов и крестьян и о прочих угодьях? Речь идет, очевидно, не об одной деревне, а об одной сельской округе. Несомненно, что Филарет владел крупной по своим масштабам собственностью, хотя и происходил из крестьян и хотя цифры, указанные автором жития, по всей вероятности, преувеличены.

²⁶ Н. F. Schmid. Byzantinisches Zehntwesen. JÖBG, 6, 1957, S. 59; cp. J. de Malafosse. Les lois agraires à l'époque byzantine. «Recueil de l'Académie de Législation», 19. Toulouse, 1949, p. 36.

²⁷ W. Ashburner. The Farmer's Law. JHS, XXXII, 1912, p. 82.

²⁸ Г. Острогорский говорит лишь о том, что Филарет сам жил в деревне (ein im Dorfe selbst wohnende Grossbauer). Ф. Дэльгер («Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung». Berlin, 1927, S. 137 f.), на которого ссылается здесь Г. Острогорский, также писал, что Филарет не вышел из состава сельской общины (Dorfgemeinschaft), несмотря на свои большие богатства, принадлежал к знати (Adel) сельского округа и что дом его выделялся своей особой значительностью (Ansehnlichkeit) из прочих домов деревни (woraus sich ergibt, dass Philaretos im Dorfe selbst gewohnt hat), т. е. что он сам жил в деревне.

Вопрос о том, можно ли считать собственность таких разбогатевших крестьян феодальной или, следуя за Г. А. Острогорским²⁹, рассматривать как феодальную собственность только такую, которой располагало высшее сословие феодалов, не был мною исследован в «Очерках» по причинам, указанным выше (стр. 249). Решение этого дискуссионного и сложного вопроса, так же как и вопроса, как правильнее понимать значение термина «феодализм», заслуживает специального внимания. Здесь не место об этом говорить³⁰.

Выше также отмечалось, что проблема происхождения стратиотских участков не рассматривалась в «Очерках», так как она выходит далеко за пределы исследуемого мною периода (ср. стр. 249). А. П. Каждан, однако, не ограничивается упреком, что в книге не освещена дискуссия по этому вопросу, разгоревшаяся в конце 50-х годов. Он высказывает сомнение и в том, можно ли рассматривать вопрос о стратиотах в главе о крупном и среднем замлевлании, «ибо стратиотов (до реформы Никифора Фоки) принято относить к крестьянам; только со второй половины X века образуется прослойка стратиотов-рыцарей» (стр. 238).

Данные Эклоги показывают, однако, что уже в VIII в. стратиоты становились сословием, возвышавшимся над крестьянской средой (Эклога, XII, 6)³¹. Об этом свидетельствует, в частности, текст Эклоги, который запрещает не только военным и гражданским сановникам, но и стратиотам выступать в роли эмфитевтов императорских и церковных земель.

В примечании (стр. 238, прим. 39) рецензент делает еще ряд дополнительных замечаний. Он пишет: «Лишниц (стр. 243), переводя заголовок XVI титула, опускает слово *ὄλεξοβόιοι*, а технический термин *καστρένσια κέρρη* (*bona castrensia*) передает: „воинское (точнее лагерное. — Е. Л.) снаряжение“. Из Эклоги (XVI, 1) следует, что *στρατιωτικὰ πελοδία* — это римское *peculium castrense*, т. е. имущество, приобретенное „подвластными“ и находившееся в их полном распоряжении — вплоть до права завещать его. Ничего общего со стратиотскими участками X века *peculia castrensia* Эклоги не имели».

По поводу этих соображений рецензента не могу не заметить, что:

1. Термин *καστρένσια κέρρη* отождествлен А. П. Кажданом с *bona castrensia* неверно. Латинскому термину *bona castrensia* в Эклоге соответствует греческий термин *στρατιωτικὰ πράγματα*, т. е. собственное (*ἰδιόκτητον*) имущество стратиота (ср. толкование: Н. П. Благоева. Эклога, стр. 208; С. Spulber. L'Eclogue, p. 56). *Καστρένσια κέρρη*, как указывает смысл слова *κέρρος* — gain, profit (ср. Liddel-Scott, s. v.), доход, прибыль, — это и есть имущество, приобретенное стратиотами во время призывания на военной службе.

2. Приводя мой перевод заглавия титула, А. П. Каждан ошибочно приписал мне толкование термина *κέρρος* в смысле «снаряжение» и опустил произвольно очень важное здесь слово «приобретение» (см. «Очерки», стр. 243).

3. Термин «подвластные» отсутствует и в греческом тексте Эклоги, изданном А. Монферратом, внесшим ряд улучшений и исправлений в издание Цахариз с учетом Афинской рукописи Эклоги³². Следует признать, что нужно было бы в тексте «Очерков» указать на издание, которым я пользовалась, а также, во избежание недоразумений при цитировании названия, не претендующего на полноту, снять кавычки.

4. Привлеченный А. П. Кажданом текст Эклоги (VIII, 7) нельзя так категорически рассматривать как не имеющий отношения к стратиотам (см. рецензия): в титуле VIII, 7 упоминаются не стратиоты, а *στρατεὺόμενοι*. Рецензенту следовало бы принять во внимание или по крайней мере упомянуть о точке зрения С. Спудбера, который, основываясь на рукописной традиции ватиканского Прохирона, настаивает, что здесь правильно чтение именно *στρατιῶται* (см. Spulber. Op. cit., p. 40, note 2). Рецензент прав, указывая, что эта статья, которую он рассматривает, введенный в заблуждение досадной опечаткой³³, не служит доказательством того, что «стратиоты возвышались над крестьянской средой».

²⁹ См. G. Ostrogorsky. La commune rurale byzantine, p. 149.

³⁰ А. П. Каждан далее отмечает сомнительность числа византийских монахов, указанного в «Очерках» по данным И. Д. Андреева. Эта подозрительность, может быть, не лишена оснований. Надо полагать, однако, что такой знаток истории византийской церкви, каким был И. Д. Андреев, вероятно, не стал бы говорить о числе монахов, не располагая сведениями. К тому же никаких других конкретных данных, опровергающих правильность этого числа, рецензент не привел.

³¹ См. «Очерки», стр. 122. В тексте здесь имеется опечатка: вместо Эклога, XII, 6 ошибочно напечатано: Эклога (VIII).

³² Афинская рукопись Эклоги содержит наиболее правильную дату этого памятника. Новые работы Д. Гиниса и В. Грюмеля подтвердили ее дополнительными доказательствами и уточнили число месяца, когда Эклога была опубликована (31 марта 726 г.): D. Ghinias. EBEZ, 30, 1960, 351 sq.; V. Grumel. REB, XXI, 1963, p. 273.

³³ См. выше, прим. 31.

5 Рассмотренные в «Очерках» данные Эклоги, разумеется, непосредственно не имеют отношения к X в. Однако при изучении истории стратиотского землевладения нельзя игнорировать данные Эклоги, как это сделано в книге А. П. Каждана. Институт *resolium castrense* отнюдь не был лишь традиционным и неизменным. Изучение данных о *resolium castrense* в законодательстве Юстиниана и в Эклоге убеждает в том, что этот институт претерпел значительные изменения и в VI в., и в VIII в., изменения, вызванные, вероятно, происшедшими переменами в жизни византийского общества. Поскольку речь идет об Эклоге, интересно в этой связи рассмотреть и другие замечания рецензента, касающиеся этого источника. На стр. 246 А. П. Каждан пишет: «Липшиц убедительно критикует Г. Шельтема, отрицающего вовсе наличие новых норм в Эклоге» («Очерки», стр. 232). «Новые черты были, пожалуй, даже более значительными, нежели полагает Е. Э. Липшиц; так, Эклога (а равно и Земледельческий закон) содержат совершенно новую систему (курсив А. Каждана. — Е. Л.) определения наказаний, заранее устанавливая точный штраф за каждое преступление».

Из утверждения А. П. Каждана логически вытекает, что до Эклоги якобы в законодательстве не существовало заранее установленных точных штрафов за каждое преступление. Это неверно. Еще Т. Моммзен в своем исследовании римского уголовного права доказал, что «предположение, будто в позднеримскую эпоху каждый уголовный судья мог свободно приговаривать если не к более, то к менее сильной мере наказания, должно быть отвергнуто»³⁴. Моммзен при этом ссылается в виде примера на закон о преследовании еретиков и указывает на наличие бесчисленных (*unzähligen*) других законов того же характера. В том же труде рассмотрена и наглядно сведена в таблицу точная система штрафов, применявшихся в римском праве в классический период и позднее в праве Юстиниана.

А. П. Каждан ссылается на статью Б. Зиноговица³⁵. Но выводы ее автора, специально рассматривающего только штрафы за убийства, вовсе не совпадают с мыслью А. П. Каждана. Автор статьи трактует лишь об усилении в Эклоге тенденции устанавливать точные штрафы за преступления, так как на практике ранее существовавшие законодательные нормы нарушались. Зиноговиц указывает, что «на практике (курсив мой. — Е. Л.) при Юстиниане преобладало свободное определение штрафа судьями. В противовес этому усилилось стремление к твердым правилам в определении рода, характера и величины штрафов, чтобы в известной мере *восстановить* утраченное единство в уголовном праве» (В. Sinogowitz, S. 317). Зиноговиц считает существенной чертой уголовного права исаврайской династии точную фиксацию штрафов за каждый деликт. Однако, в отличие от А. П. Каждана, он отнюдь не рассматривает эту систему как «совершенно новую» и ранее не существовавшую.

На стр. 239 А. П. Каждан уделяет внимание вопросу о термине «парик», оспаривая толкование его как феодально-зависимого крестьянина, и высказывает сомнения в распространении этой формы зависимости в изучаемую в «Очерках» эпоху. Рецензент пишет при этом, что «парики не упоминаются в документах VIII в. и почти не упоминаются в документах первой половины IX в.». Если бы мы действительно располагали документами того времени, подобно тому, как мы их имеем для последующего, тогда действительно были бы основания сомневаться в факте распространения этой формы крестьянской зависимости в VIII—IX вв. Но это, к сожалению, не так. Кроме единичных надписей, мы никаким активным материалом не располагаем³⁶. Поэтому этот аргумент *ex silentio* теряет значительную часть своей доказательности.

Что касается истолкования термина «парик» у Феофана (Theoph., Chron., p. 486—487) как присельника в библейском смысле слова, которое А. П. Каждан считает более правильным, чем принятое мною, то ему противоречат данные законодательных памятников. Уже во времена Юстиниана термин «парик», помимо упомянутого в Дигестах более широкого значения (присельник) (Dig., 50, 16, 239, § 2), имел значение, равнозначное слову *колон* (*παροικος* — *colonus*; Cod. Just., I, 34, 1; Liddel-Scott, s. v., p. 1342). Такое же и даже более четко выраженное осмысление термина «парик» содержит Василики, на что в свое время обратил внимание уже Цахариэ. Я неоднократно упоминала о соответствующих местах Василик, чего не заметил или во всяком случае не отметил А. П. Каждан. После детального анализа этих текстов в специальной статье я подчеркнула бы сейчас с еще большей решительностью тезис о том, что термин «парик» в IX в. в первую очередь был равнозначен *колону*, *энапографу*³⁷. Исходя из ска-

³⁴ Th. M o m m s e n. Römisches Strafrecht. Leipzig, 1899, S. 1040 и прим. 1 на той же странице.

³⁵ См. об этом также В. S i n o g o w i t z. Die Tötungsdelikte im Recht der Ekloge Leons III. des Isauriers. Sav. Rom., RA, 74, 1957, S. 317 f.» (А. П. К а ж д а н. Рецензия, стр. 246, прим. 92).

³⁶ Это отлично известно и самому А. П. Каждану (ср. рецензия, стр. 241: «от всего IX в. сохранилась единственная купчая грамота 897 г.»).

³⁷ «Очерки», стр. 9, 50, 118; Е. Э. Л и п ш и ц. О значении термина «парик» в Византии IX в. «История и филология Ближнего Востока». Сб. в честь Н. В. Пигулевской (в печати).

занного, есть гораздо больше оснований полагать, что и Феофан имел в виду не париков-присельников, а париков-колонов. А. П. Каждан оспаривает возможность привлечения надписи 834 г. как свидетельства о том, что парики были феодально-зависимыми крестьянами, ссылаясь при этом на П. Лемерля (прим. 41: P. Lemerle. *Esquisse. . .*, «*Rev. hist.*», t. 220, p. 87, note 4), указавшего, что надпись вызывает серьезные подозрения, так как она известна лишь в копии, опубликованной в 1554 г. П. Лемерль действительно высказал сомнения, «по крайней мере в отношении формы этой надписи» и в том, «что Феофил мог в надписи 834 года хвастаться тем, что он был добр к своим парикам». Тем не менее, заключая свою мысль, он указывает, что «именно они (парики. — *Ε. Λ.*) и обеспечивали обычно эксплуатацию крупных светских и церковных имений» (*Mais enfin c'étaient eux qui assuraient normalement l'exploitation des grands domaines laïques et ecclésiastiques*), т. е. не сомневается в характере их зависимости.

На стр. 239 А. П. Каждан вновь поднимает неоднократно являвшийся предметом обсуждения в византиноведении вопрос о характере повинностей, возложенных на славян, приписанных после разгрома их восстания к митрополии Патр. Как известно, ряд исследователей рассматривал этих славян как «крепостных» митрополии (А. А. Васильев, М. В. Левченко) или ее париков (П. Лемерль). В отличие от названных исследователей, взгляды которых были учтены мной в «Очерках», А. П. Каждан утверждает, что: 1) речь в тексте Константина Порфирородного идет только о повинности, известной под названием постоя; 2) ничего специфически феодального в ней нет; 3) об оброках и повинностях, которые шли полностью в пользу церкви, в тексте Константина «нет ни слова». Следует сказать, что А. П. Каждан, не усмотревший даже и в своей книге в данном тексте Константина «никаких рентных отношений», связывавших славян с митрополией, не принял во внимание всего текста полностью. Так, бросается в глаза, что он нигде не отметил, что из текста Константина можно сделать вывод о двух этапах этих взаимоотношений. Лишь на втором этапе (стк. 71—75) при императоре Льве VI было в точности определено, что «именно эти приписанные должны были вносить митрополии (буквально — митрополиту), и было запрещено переводить это на деньги или как-либо иначе доставлять им заботы несправедливыми взысканиями», или, точнее, наказывать их.

Следовательно, на первом этапе (стк. 47—71) при императоре Никифоре (т. е. именно тогда, когда это нас особенно интересует в рамках «Очерков») было лишь определено, что они «вместе со своими семьями и всем, принадлежащим им, и их имуществом выделены храму апостола Патрской митрополии», т. е. были установлены отношения их полной имущественной зависимости от митрополии.

Следует обратить внимание и на терминологию, приведенную в заглавии, в частности на слова: *δουλεύειν, ὀφειλῆσαι*, подчеркивающие полное подчинение славян церкви Патр. Эта зависимость на первом этапе, по-видимому, ничем не была ограничена. Константин подробно описывает только постоянную повинность. Но, может быть, это объясняется характером сочинения «*De administrando imperio*», в котором византийского императора в первую очередь интересовала именно государственная повинность, переложенная на славян. Из изложения отнюдь не следует с полной определенностью, что эта повинность была единственной. Напротив, отсутствие ограничений на первом этапе скорее дает основания предполагать, что до сигиллия Льва VI имело место обратное — несправедливые наказания их митрополитом, перевод повинностей и оброков на деньги: *καὶ μὴ ἀπαργυρίζεσθαι παρ' αὐτοῦ ἢ ἄλλως πως κατ' ἐπίνοιαν ἀδικοῦ ζημιώεσθαι αὐτοῖς* (стк. 73—75). Если же принять толкование термина *ἀπαργυρίζεσθαι*, которое дает переводчик как «продавать их», степень зависимости славян от митрополии придется признать еще более неограниченной. Тот факт, что митрополит имел право юрисдикции, мог творить над ними суд и расправу, также ярко характеризует степень зависимости этих славян-крестьян *ἐναπογράφμενοι*, т. е. приписанных к митрополии.

Мы не имеем поэтому оснований утверждать, как это делает А. П. Каждан, что в тексте речь идет только о постое, что у славян не было с митрополией никаких рентных отношений (А. П. Каждан. Деревня и город. . ., стр. 65—66) и тем более что об оброках и повинностях, которые шли в пользу церкви, в тексте Константина нет ни слова. Мы, правда, не имеем перечисления повинностей и оброков (кроме постоя), но из этого не следует, что о них «нет ни слова». Напротив, факт их существования не внушает сомнений уже потому, что на втором этапе возникла необходимость ввести их в точные рамки и запретить взимать их в денежной форме. Думаю поэтому, что категоричные суждения А. П. Каждана гораздо менее научно аргументированы, чем мнения тех исследователей, которые рассматривают патрских славян как париков — крепостных митрополии, принадлежащих ей вместе со всем своим имуществом и обложенных, помимо постоя, и другими повинностями³⁸.

³⁸ Ср. и P. L e m e r l e. *La Chronique. . .*, p. 40: «в существовании славян париков митрополии с повинностями, среди которых был и митат (*avec entre autres charges celle de mitata*), нет оснований сомневаться. Я хочу сказать, что Патрская церковь

Проблемы, дискутируемые в настоящее время в советском византиноведении, связанные с сущностью и особенностями византийского феодализма, как уже было отмечено (стр. 249), не стояли в центре внимания автора «Очерков». Не могу, однако, не обратить внимания на замечание рецензента на стр. 240: «Характерной особенностью византийского феодализма Липшиц считает наличие „централизованной ренты, совпадающей с налогом“ (стр. 118), но, к сожалению, уделяет этому важному вопросу незначительное место. Ниже, на стр. 226, в связи с описанием восстания Фомы Славянина, упоминается „так называемое „свободное“ крестьянство“, которое, пишет Липшиц, „как было показано“, являлось одной из наиболее значительных групп сельского населения. Но это не только не было показано, но и самый термин „так называемое „свободное“ крестьянство“ упоминается на стр. 226 впервые. Читатель может только догадываться, что эта категория крестьян платила централизованную ренту». Заключительная часть цитированного утверждения А. П. Каждана находится в столь очевидном противоречии с фактами, что вряд ли нуждается в особом опровержении. О свободном крестьянстве в «Очерках» речь идет неоднократно в главах, рассматривавших вопрос об этнических изменениях и крестьянской общине в империи (ср., например, стр. 23 сл., 49, 50, 51, 52). Специальное внимание этому вопросу, как и вопросу об относительности подобной свободы, уделено в главе о социально-экономической структуре византийского общества (стр. 117—118): «Общинное крестьянство, частью свободное, частью уже попавшее в полузависимое или полностью зависимое положение, сыграло определяющую роль в жизнестойкости империи в этот сложный и трудный период ее истории. Крестьянство несло на себе все тяготы налогового обложения и воинской и других повинностей, беспощадно накладываемых на него централизованным государством. Эти тяготы и повинности, аналогичные до известной степени тем, которые уплачивались владельческими крестьянами отдельным феодалам, могут рассматриваться, как нам представляется, как своего рода централизованная рента. На рассматриваемом здесь этапе развития, когда число владельческих крестьян было еще не очень значительно и когда большая часть крестьянских общин лишь частично утратила свою независимость в той мере, в какой они были вынуждены признать власть византийского государства и его представителей, и сидели на землях, считавшихся принадлежностью государства, эта форма ренты играла большую роль в общем бюджете господствующего класса феодалов» («Очерки», стр. 117—118). Следовательно, об этом говорится на стр. 226 не впервые. И внимательному читателю, а особенно придирчивому рецензенту, каким себя называет сам А. П. Каждан, ни о чем догадываться надобности не было.

А. П. Каждан полемизирует со мной (стр. 240—242) по вопросу о роли византийских городов в VIII—первой половине IX в. Прежде всего нужно отметить, что глава «Очерков» отнюдь не является исследованием, написанным в ответ на известную статью А. П. Каждана³⁹. Несомненно, что в тяжелые годы войн в связи с потерей Сирии, Египта и в результате славянских вторжений города потерпели ущерб. «... После потери Сирии, Палестины и Египта... Византия лишилась... не только районов, богатых продуктами местного ремесленного и сельскохозяйственного производства, снабжавших столицу хлебом и ремесленной продукцией, империя потеряла также многочисленные и важные пункты транзитной торговли, расположенные в этих восточных провинциях» («Очерки», стр. 92). Так же несомненно, что в период раннего средневековья наблюдался и процесс аграризации городов. Однако вывод А. П. Каждана, основанный на нумизматическом и археологическом материале, «что, помимо Константинополя, лишь немногие города (Солунь, Эфес, Никея) сохранились

владела приписанными славянами». В этой связи (стр. 239, прим. 45) рецензент обратил внимание на противоречивость в датировке патрских событий: «на стр. 46 они отнесены к промежутку между 802 г. и февралем 806 г., на стр. 226 — к 807 г. (ср. стр. 72, прим. 57)». В этом, по существу верном, замечании А. П. Кажданом допущен, однако, важный пропуск. На стр. 46, после данных Монеувасийской хроники, в следующем абзаце приведены уточняющие сведения схолии Арефы: «Отстройка Патр была произведена на четвертом году царствования Никифора», т. е. в 805/6 годах. Следует сказать, что как эта дата (ср. также F. D ö l g e r. *Regesten, s. a. G. O s t r o g o r s k u*. *History of the Byzantine State*. New Brunswick, 1957, p. 172, note 2), основанная на схолии Арефы, так и дата 807 г. (ср. «Очерки», стр. 226 и 72, прим. 57 и А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв., стр. 65), вытекающая из сообщения Константина VII об участии в славянском нападении афров и сарацинов, не являются общепризнанными. Так, П. Лемерль отмечает, что ни одна из них не может считаться твердо установленной: первая — слишком ранняя, вторая — сомнительная. Он относит события к периоду времени между 805/6 гг. и 811 г. (P. L e m e r l e. *La Chronique*. . . , p. 37, note 62).

³⁹ Она представляет собой перепечатку с небольшими дополнениями статьи, опубликованной в 1953 г. (ВВ, V, стр. 113—131), т. е. до статьи А. П. Каждана (СА, 21, 1954, стр. 164—183).

после VII в. (прим. 53: А. П. Каждан. Византийские города в VII—XI вв. СА, 21, 1954, стр. 187)» (рецензия, стр. 240—241), представляется мне преувеличенным и неверным.

Рассмотрим доводы рецензента. Он указывает, что гораздо более случайный характер, чем нумизматический материал, «носят деловые документы; от всего IX в. сохранилась единственная купчая грамота 897 г., что не мешает, однако, Липшиц использовать ее, хотя, строго говоря, мы не знаем, в какой мере данные этой грамоты могут быть распространены на всю империю и не является ли описанный в ней казуз уникальным» (стр. 241). Такое сопоставление представляется мне совершенно неправомерным. Мы ведь не делаем выводов на основании формально-статистического подсчета количества грамот, подобно тому, как это делает А. П. Каждан с монетами. Данные грамоты анализируются путем сопоставления с другими источниками и рассматриваются как свидетельство роста церковно-монастырского имущества в определенном районе (Македонии), продолжавшегося в пределах IX в. Ни о каком распространении выводов из этой грамоты «на всю империю» нет речи (см. «Очерки, стр. 81). Рецензент же распространяет выводы, основанные на нумизматических и археологических находках в Афинах, Коринфе, Пергаме и Херсонесе, на всю империю. До обработки всего имеющегося нумизматического материала специалистами и публикации таких огромных коллекций монет, как, например, коллекция Государственного Эрмитажа, было бы слишком смело делать на основании монетных находок какие-либо решающие выводы. Тем более, что даже опубликованный материал золотых монет, как это показал Г. А. Острогорский, дает совершенно другую картину, чем та, которую рисует А. П. Каждан⁴⁰.

Г. А. Острогорский привел возражения против выводов А. П. Каждана, основанные и на других источниках. Собранный им материал из сопоставления *notitiae episcoparum* с более ранними перечнями городов и сводкой данных византийских нарративных источников убедительно показал, что «Малая Азия продолжала быть покрытой сетью (a network) городов, как и в более раннее время». Даже на Балканах, несмотря на пережитые потрясения, связанные со славянскими вторжениями, «старые города не только не перестали существовать, но впоследствии укреплялись и перестраивались». В их числе были города, хорошо известные из византийской истории: Редесто, Тцуруллон, Апрос, Бугарофитон, Каллиполис, Монемвасия⁴¹. Мнение А. П. Каждана, что собранный Г. А. Острогорским материал «свидетельствует о существовании городов-крепостей и епископальных центров, а отнюдь не городов — центров ремесла и торговли» (стр. 242), также неосновательно. У нас нет данных,

⁴⁰ Неверно и утверждение А. П. Каждана, что «основные возражения Острогорского основаны на простой ошибке: вместо того, чтобы подсчитывать реальное количество сохранившейся золотой монеты, он подсчитывал количество сохранившихся *типов* (курсив А. Каждана. — Е. Л.) монеты, а это, конечно, не может служить показателем оживленности обращения» (стр. 241). Г. А. Острогорский вообще не классифицировал монеты по «типам». Он дал подсчеты реально сохранившихся золотых монет и получил результаты, существенным образом расходящиеся с выводами А. П. Каждана (см. G. O s t r o g o r s k y. Byzantine Cities. DOP, p. 51 sq.). Рецензент также утверждает, что «самое представление о неперменной перечеканке иконоборцами монет иконопочитателей и наоборот весьма сомнительно: например, клад IX в. в Лагбе (Памфилия) содержит, наряду с монетами иконоборцев, также 15 монет Никифора I и 2 монеты Михаила I — следовательно, монеты иконоборцев и иконопочитателей находились в обращении в одно и то же время» (там же). Следует сказать, что, разумеется, не «неперменно» все монеты должны были оказаться перечеканенными. Я лишь указываю, что этот фактор имеет значение при выяснении количества монет. Самый факт перечеканки подтверждается сохранившимися монетами. Так, монеты Феодоры, выпущенные во времена регентства в начале царствования Михаила III (из коллекции Британского музея), «почти неизменно были перечеканены на более ранних монетах» (are almost invariably restruck on earlier coins). См. Ph. G r i e r s o n. Coinage and Money in the Byzantine Empire. Settimane di studio del Centro di studi sull'alto medioevo. Spoleto, 1961, p. 423, note 34). Факт перечеканки отмечен и на монетах, обнаруженных в Афинах, на что обратила внимание М. Томпсон (M. T h o m p s o n. The Athenian Agora. Princeton, 1954, p. 108; ср. «Hesperia», 9, 1940, p. 367).

⁴¹ Г. А. Острогорский показал ошибочность утверждения А. П. Каждана, что Иби-Хордадбэ упоминает о существовании в 40-х годах IX в. только 5 городов. На самом деле он упоминает в Малой Азии (хотя и не перечисляет поименно) 128 городов и укрепленных пунктов, 10 городов во Фракии и 3 в Македонии (о прочих фемах он не пишет) (G. O s t r o g o r s k y. Byzantine Cities, p. 62). Если даже считать, что некоторые из них были только крепостями, получается все же достаточно внушительная цифра по данным только одного этого источника. Ср. также данные о судьбе городов в восточнобалканских странах, насыщающих тысячелетнее непрерывное развитие, которые приводит В. Велков: V. V e l k o v. Das Schicksal der antiken Städte in den Ostbalkanländern (Vortrag). «Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin», Gesch.-Sprach. Reihe, 1963, 7/8, S. 839—843.

чтобы охарактеризовать подробно жизнь этих городов. Однако трудно себе представить, чтобы резиденции епископов или города-крепости не имели никакого ремесленного и торгового населения. Если сопоставить эти данные с выводами А. П. Каждана, сделанными на основании материалов Афин, Коринфа, Пергама и Херсонеса⁴², трудно признать его доводы убедительными. А. П. Каждан недооценивает значение Морского закона, свидетельствующего о развитой морской торговле, немислимой в обществе, якобы переживавшем в это время полный упадок городов, и характеризует закон как «довольно далекий от нашей проблемы памятник»⁴³. Само собой разумеется, что по сравнению со следующим периодом интересующее нас время отличалось менее развитой городской жизнью. Но отсюда до полного упадка еще очень далеко.

На стр. 243 (прим. 75) рецензент рассматривает вопрос о податной системе. Он утверждает, что «при этом Липшиц неточно переводит *τέλος* как поземельный налог, тогда как в действительности *τέλος* — это *l'impôt en général* (N. G. Svoronos. Recherches sur le cadastre byzantin. BCH, 83, 1959, p. 24)». Следует сказать, что значение термина *τέλος* как налога *en général* вряд ли требовало бы особых доказательств. Вместо статьи Звороноса, трактующей, как известно, о Фиванском кадастре второй половины XI в., А. П. Каждан мог бы сослаться на любой словарь греческого языка. Однако, помимо общего значения, интересующий нас термин имел в IX в. и специальное значение, которое с полной точностью выясняется из статьи Василик (56, 1, 7 — Basil., ed. Heimb., V, p. 151) — источника конца IX в. Текст этот гласит: *τοῖς τέλεσιν οἱ ἄγροί, οὐ μὴν τὰ πρόσωπα ἐνέχονται*. Из него с очевидностью следует, что в узком значении в ту эпоху термин *τέλος* применялся именно для обозначения поземельного налога. Против такого свидетельства источника вряд ли можно что-либо возразить.

⁴² Упадок Афин начался значительно раньше VIII в. (Ф. Грегоровиус. История Афин. СПб., 1900, стр. 26 сл.). Херсонес — периферийный город — вообще мало доказателен при решении поставленного вопроса. Он раскопан пока только на одну треть. К тому же значительная часть дореволюционных раскопок Херсонеса является беспаспортной, не дающей возможности связать ту или иную вещь с определенным культурным слоем (А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. М.—Л., 1959, стр. 15). Кстати говоря, как мне любезно сообщила И. В. Соколова, по весьма неполным сведениям, не включающим материала ряда экспедиций и данных до 1900 г. (частично опубликованным в МИА и Херсонесских сборниках, частично же остающихся пока неопубликованными), в Херсонесе обнаружено 69 монет VII—первой половины IX в., в том числе 41 монета VIII—первой половины IX в. (из них 25 монет Льва V). В качестве одного из доводов в пользу своей точки зрения А. П. Каждан ссылается на керамику Константинополя. Он пишет: «... Разве не нуждается в объяснении отмеченное Р. Стивенсоном ухудшение качества константинопольской керамики в VII—VIII вв. и ее улучшение с середины IX в.? (прим. 67: R. Stevenson. The Pottery. 1936—1937, in: «The Great Palace of the Byzantine Emperors». Oxford, 1947, p. 33 f.). Р. Стивенсон вовсе не считает, что керамика Константинополя переживала упадок в VIII — первой половине IX в., на стр. 33 и ближайших таких утверждений нет. Напротив, в своих выводах он указывает, что лучшие образцы раннеисаврийской керамики (первая половина VIII в.) свидетельствуют, что «она уже продвинулась немного вперед по отношению к красной неглазурованной керамике (*sigillata*), которая была наиболее популярным видом изделий в V в. и, вероятно, позднее. Но она так же, как и позднеисаврийская глазурованная керамика, проще, чем многие римские глазури, так как различные цвета зависят от окисей железа, например, зеленые тени получаются от обжига при пониженной атмосфере. Исаврийские керамисты были деятельными экспериментаторами и в отношении обжига, и замечательные варианты цветов, обусловленные обжигом, являются характерной чертой второй стадии. Гармония цветов позднеисаврийской керамики делает ее наиболее привлекательной из византийских изделий» (R. Stevenson. Op. cit., p. 57 f.). Разве поиски новых путей можно считать признаками упадка?

⁴³ Указывая на то, что автор «Очерков» будто бы «постоянно обращается то к более ранним, то к более поздним источникам» (стр. 242), рецензент, к сожалению, явно грешит против истины. Перечисленные им в доказательство этого тезиса города (Верия, Сливна, Ямполд, Марица) упомянуты все вместе единственный раз («Очерки», стр. 94) для характеристики перемещения торговых путей в рассматриваемое и последующее время, со всеми необходимыми оговорками. Единственный город, который анализируется в основном тексте главы и который мог бы подойти к категории «более ранних источников», — Стоби. Согласно письменным источникам, да и находкам в епископском дворце, есть, однако, основания считать, что город продолжал существовать, украшаться и посылать своих представителей на соборы в самом конце VII в. и изменил свое церковное подчинение в 30-х годах VIII в. Следовательно, он несомненно существовал в изучаемое в книге время. Об Эносе говорится при характеристике его географического положения для сравнения с Стоби. Географическое же положение не менялось от века к веку («Очерки», стр. 111).

Что же касается эпіболы, которая, по мнению А. П. Каждана, якобы не применялась в VII—VIII вв., нужно сказать, что после Монье целый ряд исследователей указал на ошибочность этого мнения. Поскольку вопрос, притом весьма важный, вызывает разногласия, А. П. Каждану следовало бы, на мой взгляд, это по крайней мере отметить. Ссылка на мнение Ж. де Малафосса должна была бы содержать также и сведения о мнении столь авторитетных исследователей, как Цахаризэ Лингенталь, Дельгер, Штейн, Острогорский. Последнего, кстати говоря, так же как и меня, по-видимому, не убедили попытки истолкования Земледельческого закона в плане отрицания эпіболы⁴⁴. А. П. Каждан говорит «о двух (неудачных) попытках *восстановления* (курсив А. Каждана. — *Е. Л.*) системы круговой поруки (это было бы, конечно, невозможно, если бы эпібола продолжала существовать в VIII в.)» (стр. 243). Однако попытка восстановления ἐπιβολή при Никифоре I не может считаться доказательством того, что этот институт в VIII в. не существовал. Известно ведь (Theoph., Chron., p. 475. 15; ср. Theod. Stud., PG, t. 99, col. 922), что предшественница Никифора — Ирина — ввела налоговые льготы и подарила византийцам государственные подати. Никифор ввел подати снова. Вторая попытка (при Василии I) являлась не каким-либо нововведением, а попыткой заставить население повсеместно соблюдать правила ἐπιβολή. Никаких указаний на то, что этот институт во времена Василия I до этого мероприятия не существовал, в источнике не имеется (Theoph. Cont., p. 346. 11). Данные Василия скорее свидетельствуют об обратном (см. Dölger. Beiträge. . ., S. 129).

На стр. 243—244 А. П. Каждан делает ряд критических замечаний, касающихся глав, посвященных общественным движениям⁴⁵. Так, он возражает против высказанной мною мысли, что жестокие преследования павликиан «начались» сразу же после смерти Феофила. Ссылаясь на «Житие Макария», рецензент доказывает, что и при Феофиле в тюрьмах содержались павликиане» (стр. 243; ср. «Очерки», стр. 168). Однако, если быть последовательным, А. П. Каждану следовало бы упомянуть и о том, что и при Михаиле и Льве V (Theoph., Chron., p. 495; Petri Sic., col. 1304) имело место преследование павликиан, подлежащих — по закону, сформулированному в Эклоге, — казни. Лишь в правление императора Никифора павликиане пользовались некоторыми льготами, о чем с возмущением говорит Феофан. Заточение павликиан в тюрьму было, следовательно, на втором этапе иконоборческого движения обычным явлением. Однако эти преследования не идут ни в какое сравнение с *массовой* жестокой расправой с сотнями тысяч павликиан, которая началась после смерти Феофила и о которой здесь у меня именно и идет речь (ср. также «Очерки», стр. 242).

Рецензент делает ряд замечаний по главе об иконоборческом движении. Так, он указывает, что в книге якобы с излишней прямолинейностью проведена мысль об обусловленности судеб иконоборческого движения нарастанием народных движений. «Получается, что рост народных движений вызвал к жизни и борьбу иконоборцев с иконопочитателями, и их примирение. К тому же нельзя не видеть, что массовые народные движения приходят лишь на IX столетие» (стр. 244). А. П. Каждан был бы прав, если бы между народными движениями первой половины VIII в. и народными движениями первой половины IX в. был поставлен в книге знак равенства. В «Очерках» же, напротив, подчеркивается их глубокое различие (см., например, стр. 190, 209 сл.). Именно чрезмерно радикальный, с точки зрения правящих кругов Византии IX в., массовый характер народных движений в IX в. и заставил

⁴⁴ Г. А. Острогорский толкует ст. 18—19 Земледельческого закона как «эпіболэ — аллиленгий» (G. Ostrogorsky. La commune rurale byzantine. Byz., ХХХII, 1922, p. 150, п. 2).

⁴⁵ Он уделяет большое внимание даже очевидным всякому внимательному читателю, не говоря уже о специалистах, опечаткам, как, например, «строфа» — «строка», или очевидной из контекста опечатке в дате (стр. 144, ср. правильное написание на предшествующей стр. 143) и т. д. Отмечу попутно еще некоторые неосновательные замечания рецензента по этой главе. По меньшей мере неточно утверждение рецензента, что в этой главе Липшиц «почти не использует греческих житий при описании истории павликиан». В частности, широко использованы «Сказания о 42 Аморийских мучениках» («Очерки», стр. 153, 155, 158). При изложении данных эпоса о Дигенесе Акрите говорится о том, что воспевался и Хрисохир, воспевались и другие руководители движения, а вовсе не только о «гордом ответе Хрисохира», как утверждает А. П. Каждан; рецензент, цитируя слова книги, опустил слово «даже», связывающее их с предыдущим абзацем, и тем самым придал им другой смысл. А. П. Каждан, ссылаясь на статью Р. М. Бартияна «К истории организации павликианской общины» («Историко-филологический журнал», 1958, № 3), не указал, что статья опубликована на армянском языке (см. также выше, стр. 249, прим. 4). Справедливым следует признать упрек в отсутствии указания на использованную Трапезундскую версию, а также уточнение даты смерти Хрисохира. Впрочем, в отличие от А. П. Каждана, категорически утверждающего, что смерть Хрисохира датируется «точно 872 г.», Дж. Маврогордато в своей книге о Дигенесе Акрите относит ее с сомнением к «873 г. (?)» (J. Mavroordatou. Digenes Akrites. Oxford, 1956, p. 255).

императоров-иконоборцев переменить курс по отношению к их бывшим союзникам, и в первую очередь к павликианам, с помощью которых они в свое время пришли к власти в VIII в. Эти факты как раз могут служить ярким примером диалектического характера развития общественных отношений. Нельзя же ставить знак равенства между павликианским движением VIII в. и павликианским восстанием IX в., связанным с другими массовыми движениями.

Касаясь «Большого Апологетика» Никифора, использованного мной наряду с третьим «Антирретиком» того же автора для характеристики социального состава иконоборческой партии, А. П. Каждан делает два замечания: 1) он указывает, что так называемый «Большой Апологетик» написан «скорее всего, в 825—828 гг. (прим. 83: P. Alexander. The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Oxford, 1958, p. 186)»; обе даты указаны, однако, А. П. Кажданом ошибочно: П. Александер, на которого ссылается А. П. Каждан, как раз возражает против этих дат и датирует «Большой Апологетик» и связанные с ним три «Антирретика» 818—820 гг. (P. Alexander. Op. cit., p. 186—188); 2) рецензент высказывает сомнение в возможности использования «Большого Апологетика» для характеристики иконоборческой партии при Константине V. Никифор действительно писал эти свои сочинения в начале IX в. Тем не менее весь ход изложения носит преимущественно ретроспективный характер; писатель постоянно возвращается к «источнику зла» — Константину V; в связанном с «Апологетиком» третьем «Антирретике», где вкратце повторяется аналогичная характеристика иконоборческой партии с некоторыми дополнениями, связь с Мамонной (т. е. с Константином V) подчеркнута еще отчетливее; поэтому мне кажется возможным использовать этот источник в разделе о Константине V.

Как уже было отмечено, полемические части глав были сняты при сокращении объема книги. Поэтому, в частности, в книге не уделено должного внимания и концепции М. Я. Сюзюмова в отношении иконоборческого движения. Мне представляется, что признание стремления иконоборцев к изъятию церковных ценностей вовсе не исключает и борьбы за захват земельных владений. Как первое, так и второе засвидетельствовано в цитированных в «Очерках» источниках («Очерки», стр. 194 сл.). А. П. Каждан далее пишет: «Действительно, Липшиц ссылается на постановления VII собора, но приводимые ею тексты говорят лишь о *запрещении продавать* церковные угодья, а *запрещение продавать* церковные земли неоднократно подтверждалось каноническим правом независимо от иконоборчества» (стр. 245) (курсив А. Каждана. — *Е. Л.*). Разобранный А. П. Кажданом текст действительно говорит о продаже церковных угодий. Но следующий, приведенный на той же странице, текст параграфа 13 А. П. Кажданом не упомянут. В этом же параграфе как раз идет речь о захватах «*при случившемся бедствии*» (т. е. иконоборчестве) храмов, епископий и монастырей и обращении их в обыкновенные жилища («Очерки», стр. 194). Рассматривая акты собора 754 г., рецензент допускает неточность, и притом весьма существенную, излагая взгляды автора «Очерков». Он пишет: «Доказывая, что монахи-иконопочитатели и обладали богатствами, и эксплуатировали зависимых крестьян, Липшиц приводит обличения Иоанна Иерусалимского, направленные против *иконоборцев* (стр. 190 и сл.)» (курсив А. Каждана. — *Е. Л.*). В действительности же из слов Иоанна Иерусалимского у меня сделан вывод, что «приобретение материальных благ находилось в центре внимания *обеих* враждующих между собой *партий*» (стр. 191) (курсив мой. — *Е. Л.*).

На той же странице А. П. Каждан делает несколько замечаний о восстании Фомы Славянина⁴⁶. Касаясь вопроса о недостаточной увязке восстания с другими народными движениями (это я отметила как недостаток предшествующих исследований, в том числе и моей собственной статьи), А. П. Каждан пишет: «Остается неясным, преодолен ли, по мнению автора, этот недостаток в рассматриваемой главе, которая лишь „с небольшими изменениями“ (стр. 212 прим. 1) воспроизводит указанную статью. Мне кажется, что и в ней речь не идет о других народных движениях, если не считать одного абзаца (без ссылки на источники), где говорится о восстании славян до и во время восстания Фомы» (стр. 245). Остается непонятным, почему рецензент говорит о *главе*. Автор книги вправе считать, что изложенное в предшествующих главах книги не забыто читателем и не должно быть обязательно повторено в данной главе. Однако, поскольку такое сомнение возникло, целесообразно будет повторить все вконец, что и сделано ниже. А. П. Каждан отмечает, что «Константин Багрянородный ничего не знает о восстании славян близ Солуни»⁴⁷ до и во время восстания Фомы, «но зато упоминает о восстании славян в Пелопоннесе около 841 г.». Рецензент, однако, по-видимому, забыл упомянуть, что Константин знает и подробно рассказывает о восстании в Патрах («Очерки», стр. 44 сл.), которое произошло до восстания Фомы. Если сопоста-

⁴⁶ А. П. Каждан бросает мне упрек в том, что я не использовала «ни одного из агнографических свидетельств». Это замечание справедливо. Однако следует сказать, что в своей книге он сам отметил, что эти свидетельства ничего конкретного не дают (см. А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 350 сл.).

⁴⁷ В книге ошибочно напечатано: «в районе Фессалоники», следует читать: «в районе Славиний».

вить эти данные с сообщением Феофана («Очерки», стр. 37 сл.) о поселении в Склавинию тем же императором Никифором, при котором произошли события в Патрах, «христиан из всех фем»⁴⁸, а также о карательных экспедициях, направленных против славян Македонии и Пеллопоннеса («Очерки», стр. 43 сл.), картина получается совершенно иная. В предшествующих главах «Очерков» были отмечены факты организации в «непокойных» районах фем Македонии и Фессалоники («Очерки», стр. 47, 48). Следует напомнить также о поддержке славянами армии Крума («Очерки», стр. 215) и об их связях с павликианами («Очерки», стр. 167, 215). Все эти факты, думается, дают основание считать, что в «Очерках» обстановка, в которой произошло восстание Фомы, обрисована с большей полнотой, чем прежде в статье. Следует сказать также в этой связи, что А. П. Каждан ошибается, когда утверждает, что «Житие Григория Декаполита» сообщает не о восстании 20-х годов, а *только* о восстании 836—837 гг. (стр. 245) (курсив мой. — Е. Л.)⁴⁹.

В ходе своего изложения рецензент уделяет внимание письму императора Михаила II Людовику Благочестивому: «Кстати сказать, из этого письма следует, что Армениак (totum Armoeniae ducatum) — вопреки Липшиц (стр. 219) — был охвачен восстанием» (рецензия, стр. 245). Брошенное вскользь замечание рецензента противоречит, однако, не только тому, что сказано в «Очерках», но и мнению других исследователей восстания, которые среди прочих источников использовали и письмо Михаила Людовику. Так, еще А. А. Васильев, комментируя интересующий нас текст, писал: «Уже в конце правления Льва Фома начал свои враждебные действия, ограничивая их пока крайним востоком; он подчинил Армению и припонтийскую Халдею. . . Почти вся Малая Азия стала на его сторону; только две фемы — Армениакон со своим стратегом Ольбианом и Опсикион со стратегом Катакила — оставались верными новому императору (т. е. Михаилу II. — Е. Л.)»⁵⁰. Этой же точки зрения придерживаются и другие исследователи⁵¹.

Утверждение А. П. Каждана имело бы научное значение, если бы он проанализировал все источники восстания, и прежде всего тот текст, из которого он привел в рецензии всего три слова⁵².

Как показывает контекст, приведенные А. П. Кажданом слова totum Armoeniae ducatum имеют в общей связи изложения совершенно иной смысл. Они вполне убедительно, на наш взгляд, были истолкованы А. А. Васильевым как имеющие отношение не к расположенной в приморской части Северо-Западной Малой Азии феме Армениак, а к Армении; недаром здесь упоминается о «горах Кавказа». Именно Армения, а не фема Армениак граничила с Персией, откуда вышел Фома, направляясь на запад. Не случайно в письме названа сначала Армения (ближайшая к Персии и расположенная восточнее), а затем Халдия. Достаточно взглянуть на географическую карту, чтобы убедиться в правоте А. А. Васильева. К тому же весьма мало вероятно, чтобы в официальном письме византийского императора столь важная фема-стратегия, какой был Армениак, была бы названа «дукатом», т. е. военно-административным округом гораздо более низкого ранга⁵³. Из Тактикона Успенского известны в первой половине IX в. дукаты Халдия и Калабрия. К их числу принадлежала Колонея⁵⁴, но, конечно, не Армения, организованный в фему еще при Ираклии⁵⁵. Рас-

⁴⁸ П. Лемерль относит эти мероприятия к 809—810 гг. (P. L e m e r l e. La chronique. . . , p. 29).

⁴⁹ См. F. D v o r n i k. La vie de Saint Grégoire le Decapolite. Paris, 1926, pp. 30—32.

⁵⁰ А. А. Васильев. Византия и арабы. СПб., 1900, стр. 28. Во французском издании книги А. А. Васильева, под редакцией А. Грегуара и М. Канара, точка зрения А. А. Васильева подчеркнута еще сильнее: см. A. V a s i l i e v. Byzance et les arabes, I. Bruxelles, 1935, p. 30; G e n e s., p. 32—33; T h e o p h. C o n t., p. 54.

⁵¹ J. В u r y. A History of the Eastern Roman Empire. London, 1912, p. 87; G. O s t r o g o r s k y. History of the Byzantine State. New Brunswick, 1957, p. 182.

⁵² Et ut haec compediosius expediamus, cum idem Thomas exiens de Perside cum Sarracenis et Persis, Hiberis, Armeniis et Avasgis et reliquis gentibus alienarum tempore praedicti Leonis subito cum praedicta manu valida perproliaret, direptione sibi subdidit totum Armoeniae ducatum, simul et ducatum Chaldaeae, quae gens montem Caucasum incolit, necnon et ducem Armeniacorum cum manu valida devicit. MGH, Legum sectio III, Concilia, t. II, pars II, 1908, p. 476.

⁵³ Обычное обозначение фемы Армениак в источниках IX в. на лагинском языке, как можно видеть из текста Анастасия Библиотекаря, — thema Armeniacorum (T h e o p h., Chron., II, p. 271, 300, 309, 310, 311, 328).

⁵⁴ I. Ф е р л у г а. Ниже в военно-административные единице тематского урешья. «Зборник Радова», кн. 2, 1953, стр. 85 сл. Халдия стала фемой лишь при Феофиле.

⁵⁵ А. П. Каждан в примечании в своей книге («Деревня и город. . .», стр. 350, прим. 6), изложив точку зрения А. А. Васильева, отверг ее без какой-либо серьезной аргументации, ограничившись словами: «Предполагать же (как А. А. Васильев), что ducatus Armoeniae означал не Армениак, а независимую от империи Армению, кажется нам невозможным». Поскольку этот вывод противоречит данным Генесия

смотрение всего текста письма в сочетании с данными других источников, полагаю, не дает возможности принять поправку, предложенную А. П. Кажданом, так как она недостаточна аргументирована и не обоснована детальным анализом всех источников, и в первую очередь всего текста письма.

Выше уже рассматривались соображения рецензента по следующему разделу — «Законодательство и право». Остается добавить лишь немного. А. П. Каждан усматривает противоречивость в характеристике Эклоги, имеющейся в «Очерках»: «...были ли нормы Эклоги развитием тенденций позднеримского права или же результатом реформы — к тому же отмененной как раз тогда, когда отчетливо выявилось стремление к „очищению“ реценции римского права?» — спрашивает он (стр. 246). Полагаю, что эта противоречивость была противоречивостью самой жизни. Эклога, как и законодательство македонской династии, исходила из права предшествующей поры, и в первую очередь из права Юстиниана. В ней несомненно нашли отражение реформаторские тенденции, попытки реформы правосудия (главным образом в борьбе со всевозможными злоупотреблениями), известной его демократизации, которые, как указано в «Очерках», не были чисто декларативными: «попытка реформы была, по-видимому, проведена в жизнь» (стр. 235, ср. стр. 240, 242). «Эклога в некоторых своих чертах ломала установленные порядки» (стр. 236), в частности в отношении системы всевозможных судебных пошлин. В конце IX в. в новых законодательных памятниках, исходящих более строго из норм Юстинианова права, эти «новшества» Эклоги не были приняты. Однако жизнь их явно требовала: не случайно появились сборники, в которых проявилось стремление примирить более радикальную линию Эклоги с менее радикальной линией Прохирона. Обе эти линии, несмотря на различия, исходили из права VI века и развивали его⁵⁶.

В заключительной части своей рецензии А. П. Каждан весьма беглым образом рассматривает главы, посвященные вопросам культуры («Очерки», стр. 258—422). О ряде глав он говорит несколько слов, на прочих и вовсе не останавливается.

А. П. Каждан выступает защитником традиционного взгляда об упадке культуры в VIII—IX вв. и противником точки зрения, обоснованной в «Очерках». Поскольку выводы автора книги базируются на всех главах разделов о культуре, надо полагать, что и оспаривать их следовало бы, разобрав все соответствующие главы. Между тем рецензент ограничивается одной только главой о поэтессе Касия. Эта глава как раз наименее доказательна при решении вопроса об уровне культуры, невзирая на то, что даже Касия была захвачена новыми течениями (на что указано в «Очерках», стр. 338). При решении этого вопроса нельзя исходить лишь из данных о появлении новых светских тенденций, как это делает рецензент. Византия VIII — первой половины IX в. знала много писателей, работавших в традиционных направлениях, развивших их настолько, что говорить об упадке культуры в отношении этих деятелей никак не возможно. Все это сказано в «Очерках», хотя и не все рассмотрено в самостоятельных главах по отмеченным выше (стр. 249 и прим. 7) причинам. Достаточно напомнить о богатстве агиографической литературы, произведения которой не идут ни в какое сравнение с подобной же литературой VI в. («Очерки», стр. 261 сл.). Достаточно обратиться к образцам литературного творчества Игнатия («Очерки», стр. 302—309), во многом превосхитившего позднейшие течения в литературе. Достаточно уделить внимание творениям Иоанна Дамаскина — писателя, которого византийцы причисляли к самым выдающимся представителям византийской гимнографии и песенные каноны которого считались непревзойденными, чтобы убедиться в ценности

и Продолжателя Феофана, указывающих на то, что Армениак и Опсикий остались верными императору Михаилу II, и отмечающих, что они были вознаграждены за верность освобождением от уплаты капника, А. П. Каждану пришлось признать эти свидетельства источников неточными. Он пишет: «Приведенное выше свидетельство Михаила II уточняет сообщение Продолжателя Феофана о том, что стратег Армениака Ольвиан сохранил верность империи (Theorh. Cont., p. 54. 1): следовательно, мы не вправе делать вывод, что фема Армениак не была охвачена восстанием». Однако из того, что Фома нанес стратегию Армениака поражение (devicis), как раз следует, что стратег сохранил верность империи. О присоединении феми Армениак к восстанию в тексте не говорится ничего. Высказанные А. П. Кажданом в том же примечании соображения о дате восстания Фомы — необходимость учесть в традиционной дате восстания (821—823 гг.), что враждебные действия Фомы начались незадолго до смерти Льва V (умершего 24 декабря 820 г.), — заслуживают внимания. Обычно эти действия рассматривались только как подготовка к восстанию (см. А. А. Васильев. Указ. соч., стр. 28).

⁵⁶ Новелла Ирины, о которой ставит вопрос в этой связи А. П. Каждан, посвящена вопросу о привлечении свидетелей. Эта новелла развивала право в направлении, намеченном Эклогой (рецензия, стр. 246). Говоря об отмене установок Эклоги Ириной («Очерки», стр. 236), я указывала не на эту новеллу, а на суд, который Никифор учредил для того, чтобы «защищать бедных», возобновив вновь установки Эклоги («Очерки», стр. 235, 236). Никакого противоречия здесь нет.

этой литературы. Известно ведь, что Иоанн Дамаскин считался величайшим византийским богословом, приобретшим необычайную популярность далеко за пределами Византии (ср. «Очерки», стр. 266 сл., 418 сл.). Уместно было бы напомнить, что именно поэтическая деятельность Иоанна Дамаскина явилась сюжетом кантаты известного русского композитора С. И. Танеева. Литературная деятельность Никифора также получила весьма лестную оценку столь тонкого ценителя, каким был патриарх Фотий («Очерки», стр. 276). Общеизвестна обширная литературная деятельность Феодора Студита, эпистолографическое наследие которого свидетельствует о ранее в Византии не встречавшемся живом восприятии окружающей жизни. Известна ценность хроники Феофана. Нужно ли напоминать о достижениях византийского искусства и науки того времени, которым в «Очерках» уделены специальные главы? Рецензент об этом ни словом не упомянул. На каком основании рецензент скидывает со счетов все яркие фигуры деятелей того времени? Можно ли говорить о таком времени как о периоде упадка культуры?

В заключение следует сказать, что рецензентом проделана большая и кропотливая работа над моей книгой. Выражаю свою признательность А. П. Каждану за некоторые справедливые замечания, за выявление оставшихся невыправленными опечаток (рецензия, стр. 234 сл. и «Ответ», стр. 250 сл.), мест, требующих уточнения и отдельных дополнений (см. «Ответ», стр. 256; стр. 263, прим. 46; стр. 259, прим. 38).

Вместе с тем, к большому сожалению, приходится констатировать, что в своем подавляющем большинстве замечания рецензента оказались неосновательными:

1. При анализе замечаний было выявлено много случаев неправоильного изложения текста «Очерков», не говоря уже об общей неверной оценке задач книги.

2. Проведенная мною тщательная проверка (результаты которой здесь сообщены далеко не полностью) обнаружила, что в очень многих случаях рецензент неверно передал взгляды ряда исследователей, на которых он ссылается для обоснования своей точки зрения. [В. Велкова (см. выше, стр. 251), И. С. Дуйчева (стр. 251 сл.), В. Тынковой-Займовой (стр. 252), П. Лемерля (стр. 258), Г. А. Острогорского (стр. 255 и прим. 40), Б. Зиноговица (стр. 257), Г. Шмида (стр. 255), П. Александера (стр. 263) и Р. Стивенсона (прим. 42).]

3. Многие замечания основаны на неточной, недостаточно аргументированной интерпретации источников и на неполном их привлечении. (Земледельческого закона, Эклоги, «Житий» Филарета и Григория Декаполита, Василия, Константина VII, письма Михаила II.)

Автор «Очерков», вероятно, лучше, чем кто-либо другой, сознает, как мало сделано и как много еще остается сделать в разработке сложной темы данного исследования. Основная трудность заключается в недостатке источников. Публикация неизданных рукописей, сокровищ музеев, а также новые археологические раскопки, надо надеяться, помогут в будущем значительно продвинуть изучение вопросов, поставленных в «Очерках».

Е. Э. Липищ.

ГРЕЧЕСКИЕ ПИСЦЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Для специалистов по истории греческой средневековой письменности одним из самых необходимых пособий является составленный М. Фогель и В. Гардтхаузен корпус греческих писцов средневековья и Ренессанса¹, включающий имена переписчиков греческих рукописей, выявленных исследователями со времени начала изучения манускриптов (XVII—XVIII вв.) до момента выхода в свет указанного издания. Громадный материал, который собрали и систематизировали М. Фогель и В. Гардтхаузен, вот уже 50 с лишним лет помогает ученым в их работе с греческой рукописной книгой.

Однако за истекшие полвека изучение греческих рукописей значительно продвинулось вперед; выработаны новые приемы исследования манускриптов, составлены каталоги ранее не описанных коллекций, создан ряд ценнейших пособий². Тщательное изучение огромного числа рукописей, выявление имен книгописцев по имеющимся пометам и на основании отождествления по почерку поставили вопрос о необходимости пополнения работы М. Фогель — В. Гардтхаузена.

Первым опытом суммирования вновь накопленного материала явилась работа сотрудника Средневекового архива Афинской Академии наук Христоса Г. Патри-

¹ M. Vogel und V. Gardthausen. Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. Leipzig, 1909 (= «Beihefte zum Zentralblatt für Bibliothekswesen», XXXIII) (далее — Vogel — Gardthausen).

² Е. Э. Гранстрем. Современное состояние византийской палеографии. «Археологический ежегодник за 1961 год». М., 1962, стр. 165—171.